

Литовскія Епархіальныя Вѣдомости

Выходятъ 5-го Августа 1890 года
ВОСКРЕСЕНЬЯМЪ.

Годъ двадцать восьмой

Подписная цена съ пересылкою за годъ 5 рублей
Отдѣльные №№ Литовскихъ Епарх. Вѣдом. за прошедшіе годы и за настоящій 1890 годъ по 10 н. (марками)
Подписка принимается въ г. Вильнѣ, въ Редаціи Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

№ 31.

При печатаніи объявленій, за каждую строку или мѣст строки взимается:
за одинъ разъ 10 коп.
за два раза 15
за три раза 20

Содержаніе № 31.

Дѣйствія правительства. Награды. Мѣстная извѣстія. Рукоположенія. Пожертвованія. Неофициальный отдѣлъ. Т. Пружанъ. Рѣчь. Изъ м. Лискова. Нѣсколько словъ о значеніи Ченстоховской и Почаевской иконъ Божіей Матери. По поводу похоронъ Мицкевича въ Краковѣ.

Дѣйствія Правительства.

— **Награды.** Высочайшимъ указомъ, даннымъ капитулу Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ въ 15 день іюня 1890 года. Всемилостивѣйше пожалованы, согласно удостоенію Комитета гр. Министровъ, орденами: св. Анны 2 степени учитель Литовской семинаріи статскій совѣтникъ **Григорій Киріановичъ**; св. Анны 3 степени учитель Литовской семинаріи коллежскій совѣтникъ **Василій Лаеровъ**; св. Станислава 3 степени учитель Литовской семинаріи надворный совѣтникъ **Александръ Былаукій**; помощникъ смотрителя Виленскаго духовнаго училища коллежскій совѣтникъ **Игнатій Огіевичъ** и учитель Жировицкаго духовнаго училища **Евлампій Красинъ**.

Мѣстная Распоряженія.

— 23 іюля, утвержденъ въ должности **церковнаго старосты** на три года, выбранный къ Острицкой церкви, Лидскаго уѣзда, крестьянинъ м. Острина **Григорій Ивановичъ Мацеевичъ**.

Мѣстная Извѣстія.

— 15 іюля, рукоположенъ во священника къ Андроподской церкви, Кобринскаго уѣзда, диаконъ **Александръ Колачовъ**.

— 22 іюля, рукоположенъ въ іеродіакона монахъ Сурдескаго Св.-Духова монастыря **Гаврилъ**.

— **Пожертвованія.** Капитанъ 2 желѣзнодорожнаго батальона Петръ Егоровичъ Дмитріевъ пожертвовалъ въ Лидскую соборную церковь облигацію 2 восточнаго займа въ

100 рублей на поминованіе жены своей Клавдіи; въ ту же церковь женою Виленскаго вице-губернатора Александрою Яковлевною Скалонъ пожертвованъ коврикъ собственноручной работы по канвъ, цѣною приблизительно въ 25 руб.
— **Отъ правленія Жировицкаго духовнаго училища** объявляется, что переэкзаменовки и пріемныя испытанія будутъ быть: переэкзаменовки учениковъ пріготовительнаго, перваго и втораго классовъ — 21 августа, и переэкзаменовки учениковъ третьяго и четвертаго классовъ, равно и экзамены тѣхъ учениковъ, кои по болѣзни не держали экзамена предъ канкулами, — 22 августа и пріемныя испытанія поступающихъ въ пріготовительный и остальные классы — 23 августа.

— Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ до 1890 года на капитальный ремонтъ двухъ каменныхъ церквей Васильковскаго прихода съ приобретениемъ и обновленіемъ необходимой утвари, израсходовано было: на Васильковскую приходскую церковь 1490 руб. и на приписную въ урочищѣ „Св. Вода“ 1335 руб., а всего израсходовано 2825 руб.

Въ Васильковской приходской церкви производился слѣдующій ремонтъ: исправлена желѣзная крыша, а особенно на главномъ куполѣ, въ которомъ восемь оконъ переставлены закитовою стекломъ снаружи, а внутри куска подъ окнами устроены изъ цинковой жести желоба для стока воды при замерзаніи оконъ зимою; передѣланы водосточныя трубы, которыя вмѣстѣ съ крышею окрашены мѣдяною. Четыре боковыхъ купола вновь штукатурены со вставкою новаго кирпича, исправлена штукатурка со вставкою новаго кирпича на карнизахъ и стѣнахъ, кои въ теченіи шести лѣтъ два раза обѣлены известью. Поколь облицованы цементомъ, и переложены вновь на цементъ три чугунныя крыльца или наперты, въ которыхъ чугунныя доски скрѣплены желѣзными винтами. Внутри церкви: въ притворѣ и кладовой вложенъ новый изъ сосноваго дерева полъ; стѣны и потолокъ обѣлены въ три цвѣта, а кромѣ того стѣны на два аршина отъ пола окрашены на маслѣ подъ ясель; окна, двери, кларсы и полъ окрашены на маслѣ. Иконостасъ окрашенъ на маслѣ въ три цвѣта и лакированъ. Подъ престоломъ устроенъ каменный фундаментъ и залитъ цементомъ. Престоль и жертвеникъ устроены изъ дубоваго дерева съ новымъ облаченіемъ, а также новое облаченіе сдѣлано и на аналон. Два проскомидійные прибора, три креста, два евангелія, дароносица, мирница или сосудъ при

крещеніи младенцевъ, четыре лампады посеребренны и гдѣ нужно было вызолочены.

Колокольня каменная при Васильковской церкви стоитъ отдѣльно и на оной передѣланы вновь два боковые купола и крыша окрашена мѣдяною. Въ 1884 году на колокольнѣ со вставкою новаго кирпича въ карнизахъ и стѣнахъ исправлена была штукатурка, но по причинѣ затѣйливой архитектуры, а особенно съ кокошниками надъ окнами, штукатурка отпадаетъ отъ стока воды, а потому по моему разумѣнію необходимо нѣсколько измѣнить наружный видъ колокольни, а въ противномъ случаѣ починка штукатурки будетъ напрасная затрата денегъ.

Въ приписной церкви въ урочищѣ „Св. Вода“ произведенъ слѣдующій ремонтъ: вся желѣзная крыша переложена вновь съ значительною добавкою новаго желѣза и въ теченіи шести лѣтъ два раза окрашена мѣдяною, и поставлены два новые чугунные креста съ передѣлкою вновь главы на куполѣ. Въ стѣнахъ, карнизахъ и на куполѣ вставлено значительное количество новаго кирпича, исправлена во многихъ мѣстахъ штукатурка и стѣны въ теченіи шести лѣтъ два раза обѣлены известью. Цоколь облицованъ цементомъ. Внутри церкви: весь полъ съ балками подъ оный устроенъ новый изъ сосноваго дерева и переложены вновь все каменные столбики подъ балками пола. Передѣланы все входныя двери и окрашены на маслѣ подъ дубъ; устроены новые клиросы и окрашены на маслѣ, а также окрашены на маслѣ все окна, а на колокольнѣ устроены вновь два окна. Нижняя часть деревяннаго иконостаса до иконъ сдѣлана вновь и весь иконостасъ окрашенъ на маслѣ въ два цвѣта и лакированъ. Потолокъ въ алтарѣ и трапезной вновь подштукатуренъ, а въ средней части церкви—подбитъ досками, кои окрашены на маслѣ. Стѣны внутри выбѣлены и на два аршина отъ пола окрашены на маслѣ подъ дубъ. Подъ престоломъ переложены вновь каменный фундаментъ и залитъ цементомъ; престоль и жертвенникъ сдѣланы вновь изъ дубоваго дерева съ новымъ облаченіемъ. Проскомидійный приборъ, напестольный крестъ, евангеліе, дарохранительница и напестольные подвѣщники посеребренны и гдѣ нужно было вызолочены. Предъ четырьмя иконами въ иконостасѣ устроены вновь подвѣщники изъ желѣза и окрашены на маслѣ.

На указанный выше ремонтъ средства были слѣдующія: 1) Въ 1884 году 15 іюня по предложенію бывшаго церковнаго старосты становаго пристава Владиміра Ленина прихожане составили было первый приговоръ о сборѣ денегъ на ремонтъ церкви по 50 коп. съ души обоого пола отъ 7 лѣтъ возраста, каковыя деньги въ количествѣ 460 руб. записаны приходомъ въ 1884 и 1885 гг. въ книгу прихода церковныхъ суммъ. Въ послѣдующіе годы по моему предложенію прихожане тоже составляли приговоры о сборѣ денегъ на ремонтъ церкви въ разномъ количествѣ, и поступавшія деньги записывались приходомъ въ книгу суммъ церковно-приходскаго попечительства. Прихожанами въ теченіи шести лѣтъ собственно на ремонтъ церкви (кромѣ найма сторожа при церкви и поддержки строеній причта) сложено было всего вообще по 1 рублю 45 коп. съ души обоого пола—въ первый разъ отъ 7 лѣтъ, а послѣ отъ 14 лѣтъ возраста, и такихъ денегъ вмѣстѣ съ другими источниками суммъ попечительства—израсходовано на ремонтъ церкви 1407 рублей.

2) При бывшемъ священникѣ Иларіонѣ Сосновскомъ составленъ былъ списокъ пожертвованій прихожанъ на ре-

монтъ церкви, и поступавшія съ 1884 года деньги записывались приходомъ въ книгу суммъ церковныхъ. Сбору пожертвованій, какъ личнымъ пожертвованіемъ (15 р. 60 к.) такъ и отъ частныхъ лицъ и волостей (отъ Черновѣской 21 р. 75 к., Острогерской 15 р. и Островской 4 р. 20 к.) много содѣйствовалъ бывший церковный староста Владиміръ Ленинъ, коимъ собрано было 80 р. 27 к. Всѣхъ пожертвованій отъ прихожанъ и стороннихъ лицъ израсходовано на ремонтъ церкви 327 р. 10 к.

3) Въ 1888 году по просьбѣ приходскаго попечительства получено было изъ Виленскаго Св.-Духовскаго братства 200 руб. заимообразно съ уплатою безъ процентовъ въ теченіи четырехъ лѣтъ по 50 р. въ годъ,—каковъ долгъ уплачивается изъ церковныхъ суммъ, и по настоящее время еще долга на церкви сто рублей.

4) Остальные деньги 891 р. на ремонтъ церкви употреблены были изъ поступавшихъ въ церковь разнаго рода доходовъ, и на расходъ оныхъ денегъ не было испрашиваемо разрѣшенія Епархіальнаго Начальства на основаніи указа Литовской духовной Консисторіи отъ 26 іюня 1886 года за № 4101.

Васильковской церкви священникъ *Петръ Котовичъ*.

— **Вакансіи. Священника:** въ с. *Юдицкѣ* (9).
Псаломщика: въ *Росіенахъ* (2), въ м. *Евъѣ* (2).

Неофициальный Ондѣль.

— **Г. Пружаны.** 13 іюня у насъ происходило освященіе креста, сооруженнаго мѣщанами города на предметѣи „Горка“. Обстановка освященія была весьма торжественна и привлекла множество народа, какъ изъ города, такъ и окрестныхъ деревень. Вышелъ настоящій праздникъ, доставившій участвовавшимъ на немъ искреннее душевное удовольствіе. Необычное въ своемъ родѣ торжество, имѣющее, притомъ, чисто мѣстное значеніе, можетъ служить нѣкоторымъ указаніемъ, какъ способъ для ослабленія вліянія католичества. Какъ извѣстно, католики 13 іюня празднуютъ въ честь Антонія Падуанскаго, пользующагося у нихъ по чему-то особеннымъ предпочтеніемъ. Въ честь этого святого построено много костеловъ и каплицъ на всемъ пространствѣ западнаго края, и, въ храмовые праздники, стекается туда, по старой привычкѣ, не мало православныхъ. Такой костель есть и у насъ по сосѣдству, въ м. Шерешевѣ, и на Антонія идутъ туда очень многіе крестьяне сосѣднихъ православныхъ приходоу, въ томъ числѣ и изъ Пружанъ. Сколько ни бился протоіерей Жуковичъ отвлечь своихъ прихожанъ отъ посѣщенія Шерешева въ день Антонія, ничто не помогало: сила привычки брала свое. Наконецъ посчастливилось воспользоваться въ сущности незначительнымъ обстоятельствомъ. Въ концѣ прошлаго года, мѣщане г. Пружанъ подали Высокопреосвященнѣйшему Владыкѣ прошеніе о разрѣшеніи имъ поставить въ концѣ города, при дорогѣ, ведущей къ кладбищу, большой желѣзный, на каменномъ столбѣ, крестъ. По представленіи объяснительныхъ свѣдѣній, что крестъ на указываемомъ мѣстѣ стоялъ въ 60-хъ годахъ, что крестъ этотъ служилъ для обстановки предъ нимъ погребальнаго шествія, при чемъ покойникъ какъ бы прощался съ роднымъ городомъ и надъ нимъ совершалась

здѣсь заукозная литія, что потомъ, безъ видимой надобности, по распоряженію гражданской власти, крестъ велѣно снять, — послѣдовало милостивое разрѣшеніе. Тотчасъ подъ наблюденіемъ и руководствомъ протоіерея Жуковича, приступлено было къ сооруженію новаго креста и къ устройству вокругъ него приличной ограды. Работа, впрочемъ, подвигалась медленно, главнымъ образомъ по недостатку средствъ, и это очень печалило протоіерея Жуковича, хотѣвшаго, чтобы сооруженіе вышло изящное, какъ подобаетъ православной святыни. Наконецъ, Господь послалъ одну благочестивую женщину, которая купила въ Брестѣ литый изъ желѣза крестъ, съ изображеніемъ на немъ распятія и, кромѣ того, принесла въ даръ икону святыхъ великихъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія Печерскихъ; ея же приобрѣтенъ и громадный камень въ два слишкомъ аршина высоты, имѣвшій служить пьедесталомъ для креста. Пока шла отдѣлка камня и изготовка матеріала для ограды, пока подвозили землю для насыпи, наступилъ мѣсяць Іюнь. Протоіерей Жуковичу пришло на мысль освятить крестъ 13 іюня и, по этому случаю, устроить праздникъ, чтобы православнымъ не было надобности шататься въ этотъ день по костеламъ. Съ этою цѣлю, въ два ближайшіе воскресные дня, о. Жуковичъ приглашалъ и мѣстныхъ и чужеприходныхъ православныхъ пожаловать на 13 іюня въ Пружаны на имѣющее быть торжество — освященіе ново сооруженнаго креста и иконы великихъ печерскихъ подвижниковъ Антонія и Θεодосія. Въ одной изъ рѣчей, помнится, такъ сказано было: „13 іюня у насъ открывается праздникъ, который ежегодно будетъ повторяться; праздникъ будетъ торжественный: послѣ литургіи въ соборѣ пойдетъ крестный ходъ къ мѣсту водруженія святаго креста, будетъ освященіе воды, молебенъ святымъ Антонію и Θεодосію и, затѣмъ, раздача всѣмъ присутствующимъ крестиковъ, образковъ и религиозныхъ книжекъ... Желаете, православные, этотъ день праздновать, можете сдѣлать это у себя дома, въ своемъ родномъ храмѣ, вмѣсто того, чтобы посѣщать чуждые для васъ костелы; сыны православной церкви не могутъ быть вмѣстѣ съ сынами церкви католической“.

Такими рѣчами подготовивъ народъ, протоіерей Жуковичъ торопилъ съ окончаніемъ работъ по устройству ново сооруженнаго креста. Во всякое время дня можно было видѣть этого пастыря-труженика на мѣстѣ производства работъ, гдѣ онъ то подбираетъ цвѣта красокъ, то смотритъ, какъ садятъ по сторонамъ ограды деревья, то указываетъ, какъ должна быть вдѣлана въ камень икона и т. п. Наконецъ, съ Божіею помощію, 12 числа, какъ разъ къ началу всеобщаго бдѣнія, всѣ работы были кончены. На довольно возвышенномъ мѣстѣ, въ красивой оградѣ, обсаженной тѣнистыми лианами, появился памятникъ, долженствующій положить начало новому празднику, памятникъ, стоившій многихъ хлопотъ и болѣе 70 руб., не считая даровыхъ рабочихъ. На слѣдующій день, къ 10 ч. утра, народъ со всѣхъ сторонъ сталъ стекаться къ собору и, къ окончанію обѣдни, довольно обширный храмъ не вмѣщалъ уже молящихся. По окончаніи божественной литургіи, начался крестный ходъ. У ново сооруженнаго креста шествіе остановилось и послѣдовалъ чинъ освященія. Освятить крестъ, протоіерей Жуковичъ обратился къ народу съ рѣчью, въ которой высказавъ свою радость по случаю устройства въ городѣ новой святыни, указавъ на то значеніе, какое будетъ имѣть для мѣстныхъ прихожанъ сооруженный крестъ. Послѣдовавшая затѣмъ, послѣ молебна пресвятой Богородицѣ

и святымъ Антонію и Θεодосію Печерскимъ, раздача народу крестиковъ, образковъ и религиозныхъ книжекъ (троицкихъ листовъ) показала, что труды по устройству праздника не прошли даромъ: болѣе тысячи православныхъ удержаны были въ этотъ день отъ посѣщенія костела.

Пружанскій благочинный.

Рѣчь, сказанная 13 іюня 1890 г. при освященіи св. креста въ г. Пружанахъ — на предмѣстьи Горни.

Во имя Отца и Сына и Св. Духа! Наконецъ, искреннее желаніе ваше, любезные прихожане, исполнилось. Великая христіанская святыня, — Честный и Животворящій крестъ Господень водруженъ на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ вы всегда желали имѣть и видѣть Его, и нынѣ молитвами св. церкви и благодатію Святаго Духа торжественно освященъ при вашемъ многолюдномъ собраніи.

Радуюсь вмѣстѣ съ вами настоящему торжеству и, вмѣстѣ съ вами, съ сердечнымъ умиленіемъ благодарю Господа Бога, воссламенившаго ваши души вѣрою и любовью къ сему священному знаменію.

Вѣдь, дѣйствительно, святой крестъ есть наша слава, наша честь, — отличительный признакъ нашего высокаго христіанскаго званія. На крестѣ Единородный Сынъ Божій пролилъ за всѣхъ насъ свою божественную кровь и сою святою кровію смылъ грѣхи съ всего рода человѣческаго; примирилъ насъ грѣшныхъ и недостойныхъ съ Богомъ Творцемъ нашимъ и, такимъ образомъ, на крестѣ совершилъ Онъ Всеблагій, наше освященіе, оправданіе, и спасеніе. По этому-то весьма справедливо говорятъ: кто не имѣетъ на груди креста, а въ груди Христа, тотъ не ученикъ Христовъ — тотъ не христіанинъ.

Притомъ, взирая на сію красоту церкви Христовой, мы, бр. христ., не можемъ не радоваться и потому еще, „что сіе мѣсто, на которомъ водруженъ крестъ, дорого для всѣхъ насъ и достойно сей великой христіанской святыни. Здѣсь — у этого святаго креста, — на пути къ мѣсту нашего вѣчнаго упокоенія, провожая своихъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, мы будемъ останавливаться, читать святое евангеліе, служить литіи объ упокоеніи душъ преставившихся нашихъ отцевъ и матерей, братій и сестръ и чадъ нашихъ, наутуствуя ихъ шествію въ вѣчность молитвенными прошеніями и благожеланіями къ Отцу небесному, да учинитъ Онъ, Владыка живота и смерти, души нашихъ покойниковъ въ мѣстѣ свѣтлѣ, въ мѣстѣ златнѣ, въ мѣстѣ покойнѣ!“

И еще не конецъ нашей цынѣйшей радости и благодарности къ Великому Богу и Спасителю нашему Господу Иисусу. Мы видимъ у подножія сего святаго креста икону, вдѣланную въ камень. На сей святой иконѣ, принесенной изъ Кіева одною нашею благочестивою прихожанкой, изображены Царица Небесная — Преподобная Дѣва Марія съ предвѣчнымъ Богомладенцемъ и святыя великія угодники Божіи Антоній и Θεодосій Кіевопечерскіе, стоящіе на колѣнахъ и освящаемые пречистыми руками Богородицы, молящейся за родъ христіанскій.

Какъ все это должно быть для насъ, бр. хр., приятно и назидательно, какъ все это должно располагать насъ къ богомыслию и подражанію тѣмъ высокимъ христіанскимъ добродѣтелямъ, коими прославились во время своей земной жизни преподобные отцы наши Антоній и Θεодосій Кіевопечерскіе, изображенные на сей святой иконѣ!

Будемъ же, бр. хр., усердно молиться не только теперь, но и всегда предъ симъ священнымъ знаменемъ нашей христовской вѣры, надежды и любви! Взирая на сей святыи крестъ и — на сію святую икону, вознесемъ свои мысли и сердца къ распятому на крестѣ и съ глубокимъ умилениемъ будемъ просить Господа Бога, да избавитъ Онъ, Всеблагій и Всемогущій, предстательствомъ Царицы небесной и преподобныхъ отецъ нашихъ — Антонія и Феодосія Киевопечерскихъ, да избавитъ всѣхъ насъ отъ всякія бѣды, скорби, гнѣва и чужды и да сохранитъ градъ нашъ и вся грады и вси христіанскіе отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча и внезапныя смерти. Аминь.

Протоіерей *Н. Жуковичъ*.

Изъ м. Лыскова, Волковыскаго уѣзда.

Въ продолженіи минувшихъ 27 лѣтъ вслѣдъ пробѣгающій или проходящій, въ ¼ версты отъ м. Лыскова, по дорогѣ въ г. Пружаны, при болѣе менѣе внимательномъ осмотрѣ мѣстности, могъ замѣтить расположенную тутъ же, на выгонѣ для скота, одинокую могилу. Подъ ней похороненъ учитель Лысковскаго приходскаго училища Фридрихъ Вышгольцъ, злодѣйски убитый польскими мятежниками 22 апрѣля 1863 года. Неудобное мѣстоположеніе этой могилы на выгонѣ, гдѣ постоянно прогоняется и пасется скотъ, могло служить причиною того, что съ теченіемъ еще очень недалекаго будущаго отъ нея не останется и слѣда. Многіе изъ знавшихъ и помнившихъ Вышгольца высказывали не мало сожалѣній по этому поводу, но взять на себя труды сохранить мѣсто могилы въ виду сопряженныхъ съ этимъ хлопотъ и денежныхъ расходовъ — никто не рѣшился. Такимъ образомъ и навсегда могла бы исчезнуть память о мученикѣ-патріотѣ, если бы не нашлся добрый человекъ въ лицѣ настоятеля Лысковской церкви, священника Л. Колосова, взявшаго на себя трудъ облагородить мѣсто погребенія его и даже украсить могилу приличнымъ памятникомъ. Послѣдній, получивъ милостивое разрѣшеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Алексія, Архіепископа Литовскаго и Виленскаго, на постановку на могилѣ мученика новаго св. креста, обратился къ лицамъ, сочувствующимъ этому дѣлу, за посильною денежною помощію и вотъ въ самое короткое время было собрано свыше 80 рублей. Пожертвованія эти не простирались на одинъ только Лысковскій приходъ: копѣйки на это святое дѣло сыпались и изъ другихъ мѣстъ, далеко отстоящихъ отъ Лыскова. Въсѣмъ о предполагаемомъ крестѣ была радостно принята всѣми — не исключая даже и евреевъ. Не малую лепту на это вложили и ученики училища Лысковскаго прихода, отцы которыхъ хорошо еще и теперь помнятъ убитаго своего наставника — Вышгольца. Чугунный памятникъ, вышиной до 3 аршинъ, съ такою же оградой, вѣсомъ всего до 30 пудовъ, былъ заказанъ въ г. Слонимѣ — въ Альбертинѣ, за 10 миль отъ Лыскова, и привезенъ сюда на даровыхъ приходскихъ подводкахъ. Освященіе его предположено было совершить въ воскресенье, 10 іюня. Прекрасная погода, равно какъ и распространившійся слухъ о предстоящемъ освященіи памятника, послужили причиною того, что въ этотъ день собралось въ Лысковъ со всѣхъ сторонъ до 3-хъ тысячъ человекъ. Огромная Лысковская церковь далеко не могла вмѣстить всѣхъ. За божественной литургіей мѣстнымъ о. настоятелемъ было произнесено подходящее къ данному случаю слово, въ которомъ онъ въ яркихъ чертахъ опи-

сывалъ жизнь, дѣятельность и обстоятельства смерти покойнаго, на котораго онъ указалъ за тѣмъ слушателямъ, какъ на добрый примѣръ вѣроподданнаго Всероссийскаго Престола и исполненія своего долга. Поблагодаривъ слушателей за ихъ участіе въ постановкѣ св. креста, онъ закончилъ рѣчь своимъ обращеніемъ исключительно къ собравшимся ученикамъ 6 училищъ Лысковскаго прихода, въ которомъ просилъ ихъ навсегда запомнить настоящее торжество въ честь мученика, не мало потрудившагося на пользу юношества, и свято оберегать и заботиться о поставленномъ надъ его могилой крестѣ. И рѣчь эта имѣла свое дѣйствіе: до сего дня проходящій или пробѣгающій около памятника можетъ видѣть множество свѣжихъ вѣнковъ и цвѣтковъ, красующихся какъ на самомъ крестѣ, такъ и у его подножія, и служащихъ лучшимъ доказательствомъ того уваженія, которымъ проникнуты дѣти къ 6. наставнику м. Лыскова. Послѣ литургіи всѣ отправились къ мѣсту упокоенія мученика, гдѣ уже красовался новосооруженный крестъ, который и былъ торжественно освященъ. Не ошибаясь можно сказать, что впечатлѣніе настоящаго торжества изгладится въ памяти присутствовавшихъ не скоро: церковная процессія, при участіи двухъ мѣстныхъ священниковъ и трехтысячной толпы, при стройномъ пѣніи учениковъ Лысковскаго двухкласснаго церковно-приходскаго училища, къ которымъ примкнули и многіе изъ присутствующей интеллигенціи, самыи чинъ освященія памятника и всѣ эта преклоняемая и колѣни предъ новосвященнымъ св. крестомъ толпа народа, равно и крестъ, усѣянный принесенными цвѣтами и вѣнками, — все это могло произвести не малое впечатлѣніе и на человека совсѣмъ посторонняго. Трогательно было слышать, какъ одни изъ присутствующихъ заявляли, что настоящее торжество должно было быть совершенно уже много много лѣтъ тому назадъ, а другіе, не успѣвшие раньше пожертвовать на этотъ крестъ, предлагали свою лепту теперь. Да, дай Богъ, чтобы всѣмъ доброе дѣло встрѣчало себя столь много сочувствующихъ лицъ, какъ настоящее.

Говоря о новосооруженномъ св. крестѣ, мы не можемъ обойти молчаніемъ и ту, достойную уваженія, личность, которая пожелала подъ нимъ помѣститься.

Фридрихъ Августовичъ Вышгольцъ, — лютеранинъ по вѣроисповѣданію, нѣмецъ по происхожденію, состоя учителемъ Лысковскаго приходскаго училища, долженъ былъ пережить здѣсь самое тяжелое время для всякаго искренно привязаннаго тогда къ православнои вѣрѣ и русскому царю — это 1863 годъ. Для покойнаго Вышгольца это было тѣмъ тяжелѣе, что м. Лысково представляло тогда изъ себя совершенно польскій уголокъ, въ которомъ никто даже и не сомнѣвался въ возрожденіи польши. Уединенное положеніе мѣстечка, окруженнаго со всѣхъ сторонъ лѣсами, отдаленность его отъ уѣзднаго города (37 в.), обиліе польскихъ имѣній, а главное — вліяніе только въ 1832 году закрытаго мисіонерскаго католическаго монастыря и устроенной имъ польской гимназіи, въ которой воспитывались дѣти окружной шляхты, не мало способствовало тому, что въ Лысковѣ и окрестностяхъ его главнымъ образомъ сосредоточены были шайки польскихъ исурреговъ. А это въ свою очередь не могло не вселить въ мѣстное населеніе такую уверенность въ польскую силу, что назначенные польскіе начальники совершенно свободно исполняли присвоенныя имъ обязанности на глазахъ жившаго въ мѣстечкѣ становаго пристава (поляка), который и самъ своими дѣйствіями показывалъ примѣръ повиновенія новой зарождающейся власти.

Такимъ образомъ польская власть вступила въ свои права безъ всякаго протеста со стороны здѣшняго населенія и представителя мѣстной русской власти. Однако протестъ скоро оказался и при томъ съ той стороны, съ какой трудно было и ожидать: запротестовалъ учитель приходского училища Фридрихъ Вышгольцъ. Вездѣ и всюду въ м. Лысковѣ онъ убѣждалъ и доказывалъ всѣ гибельныя послѣдствія возстанія, умолялъ оставаться вѣрными Всероссийскому Престолу и правительству, въ каковомъ духѣ и направлялъ дѣтей ввѣреннаго ему училища. Такая дѣятельность Вышгольца не могла остаться незамѣченной польскими мятежниками и вотъ — когда въ началѣ весны 1863 года вспыхнуло открытое возстаніе, то устроители польскаго дѣла въ м. Лысковѣ порѣшили покончить съ нимъ. Сначала они хотѣли убить Вышгольца ночью, но онъ не пошелъ дома, и многократныя ихъ ночныя поиски не привели ни къ чему. Тогда мятежники рѣшили убить его открыто — днемъ. Собравшись на такое дѣло, убійцы (мѣстные помѣшники М. З. и К.) какъ будто за благословеніемъ зашли къ настоятелю б. тогда въ мѣстечкѣ костела и совѣщались съ нимъ о родѣ смерти, которой слѣдовало предать взмѣнника польскому дѣлу. Свидѣтели всѣхъ этихъ происшествій говорятъ, что будто бы достойный настоятель костела высказалъ слѣдующую мысль: „что нетя или нуля однаково причиняютъ человѣку смерть, и что слѣдовательно, нѣтъ особой надобности непременно вздернуть на вислицу, а можно съ нимъ покончить менѣе театральнымъ, но за то болѣе удобнымъ способомъ“. Получивъ кеендзовское благословеніе, убійцы въ сопровожденіи толпы зѣвакъ отправились къ училищу. Не найдя Вышгольца дома, они уже собирались возвратиться домой, какъ вдругъ увидѣли его подходящаго къ училищу. Убійцы, встрѣтивъ его, обратились къ нему съ краткою рѣчью въ которой упрекали за сочувствіе его къ москалямъ и предложили ему выкупить свою вину поступленіемъ въ ряды повстанцевъ. „Теперь самъ, панъ, видишь — кому лучше служить: польшѣ или москалямъ? Если бы ты служилъ Польшѣ, то мы купили бы тебѣ имѣніе, а теперь ты принадлежишь какъ собака“. Съ этими ихъ словами раздался выстрѣлъ по беззащитной жертвѣ. Пораженный пулей, Вышгольцъ опустился на колѣни, плачущая жена подвела къ нему дѣтей, онъ благословилъ ихъ, перекрестился самъ, упалъ и умеръ. Къ русскому убійству палачи присоединили поруганіе надъ тѣломъ мученика. Обратившись къ обвинѣннейшей отъ ужаса толпѣ, они обливши, что такая же участь постигнетъ и того, кто осмѣлится поднять тѣло или сдѣлать гробъ для убитаго. Видѣвшие это, другіе мятежники кричали: „пускай его клюютъ вороны“. Долго тѣло убитаго лежало на улицѣ на страхъ врагамъ Польши. Наконецъ несчастная вдова, тренеща за свою жизнь, при помощи малолѣтнихъ дѣтей, внесла тѣло мужа въ домъ. Какъ она, безпомощная, устроила ему гробъ, объ этомъ очевидцы ничего не говорятъ. Говорятъ только, что она валялась у ногъ палачей своего мужа, прося ихъ позволенія предать землѣ тѣло убитаго. Долго они не соглашались на это, мѣстный же помѣщикъ, которому принадлежало м. Лысково, положительно запретилъ хоронить тѣло на кладбищахъ и земляхъ, принадлежащихъ ему. Наконецъ разрѣшено было зарыть убитаго на выгонѣ, за мѣстечкомъ. Но это разрѣшеніе мало помогло дѣлу: никто въ мѣстечкѣ не соглашался нести или везти умершаго на указанное мѣсто. Говорятъ, мѣстный приставъ силою заставилъ провѣзавшаго съ сохой крестьянина отвезти на выгонъ тѣло убитаго, гдѣ онъ и былъ зарытъ.

Да, страшна картина смерти нашего страдальца Фридриха Вышгольца, но за то и какъ же высока та идея, ради которой онъ, несчастный, принесъ себя въ жертву. И нашъ православный народъ на Руси всегда опѣнитъ и никогда не забудетъ его заслуги. Не даромъ 3-хъ тысячная толпа народа собралась на его могилѣ въ памятный для Лыскова день — 10 юня 1890 г.!

Н. М.

Нѣсколько словъ о значеніи Ченстоховской и Почаевской иконъ Божіей Матери для нашей западно-русской окраины.

Въ нашемъ краѣ особую славою пользуется, какъ известно, Ченстоховская икона Божіей Матери. Такою же славою въ нашемъ краѣ до 1830 года, даже въ римско-католическомъ мѣрѣ, пользовалась и Почаевская икона. Но Почаевская икона имѣетъ особое историческое значеніе какъ въ православно-русскомъ мѣрѣ, такъ и въ б. латино-польскихъ областяхъ.

Проставленіе Почаевской иконы начинается со второй половины XVI вѣка. Она въ концѣ XVI вѣка и въ XVII вѣкѣ имѣла на юго-западѣ Россіи такое же значеніе для православно-русской церкви, какое на сѣверѣ и востокѣ Россіи имѣла тогда же Казанская икона Божіей Матери.

Во время вѣроисповѣдной борьбы пѣз за униі, поляки съ особеннымъ благоговѣніемъ начинаютъ относиться къ Ченстоховской иконѣ Божіей Матери и избираютъ ее въ особую защитницу Польши. Эта икона первоначально находилась въ рукахъ православныхъ; до XIV в. она болѣе 300 лѣтъ помѣшалась въ Галицкомъ городѣ Велзѣ въ придворной православной церкви. Въ концѣ XVII в., какъ и въ XVIII вѣкѣ, мы встрѣчаемъ писателей, которые называютъ Ченстоховскую икону Божіей Матери „польскою королевой“. Этотъ титулъ и официально утвердилъ за нею король Янъ-Казиміръ въ своемъ манифестѣ по случаю окончанія войны (Всеобщ. Памят. т. 6, 164. Слава Пресв. Владычицы: 99—100). А въ началѣ XVIII в., именно въ 1717 г., эту икону съ благословенія паны поляки коронуютъ. Папскій нунцій 8 сентября 1717 г. возложилъ на эту икону двѣ короны, именно: одну на ликъ Спасителя, другую на ликъ Богоматери.

Въ р.-католическомъ мѣрѣ коронованіе святыхъ иконъ сопровождается признаніемъ ихъ чудотворными во всей католической церкви. Коронована Ченстоховская икона Божіей Матери для того, чтобъ эту восточную святыню усвоить р.-католицизму, а при этомъ, по гербу при ея изображеніи, и польскому государству.

Благодаря коронованію Ченстоховской иконы, въ Ченстоховѣ стали приходить многочисленные богомольцы, нитавшіе себя здѣсь духомъ латинства и полонизма. Въ XVIII вѣкѣ, когда Почаевскій монастырь съ чудотворною иконою очутился въ рукахъ униатовъ, пронизанныхъ польскимъ духомъ, поляки нашли выгоднымъ для своихъ политическихъ цѣлей короновать и Почаевскую икону Божіей Матери. Латинскій митрополитъ Вадавъ Сѣраковскій, носившій также титулъ архіепископа львовскаго, въ своихъ воззваніяхъ объ этой коронаціи писалъ слѣдующее: „Св. Иоаннъ Дамаскинъ говоритъ что имя Марія значитъ Госпожа, и мы по справедливости исповѣдуемъ и почитаемъ ее Царицею небесною, а съ тѣмъ вмѣстѣ Госпожею и всѣхъ царствъ земныхъ и въ особенности Королевою нашей отчизны, призывающею къ себѣ сіе государство...“ *) Коронація иконы была совершена 8 сентября 1773 г.

Коронованіе иконы! Самое сопоставленіе словъ коронованіе съ словами: икона Божіей Матери оскорбляетъ религиозное чувство православнаго человѣка, не позволяющее прилагать титулы земнаго величія къ религиозной святыни. Такъ поступили проникнутые латинскимъ духомъ уніаты и по отношенію къ Почаевской иконѣ Божіей Матери. Короновавъ ее, они обратили эту святыню въ орудіе своихъ политическихъ видовъ. Въ 1831 г. Почаевскій монастырь принялъ участіе въ бунтѣ противъ русскаго правительства. Послѣдствіемъ было то, что Почаевскій монастырь съ древне-православною святыней, чудотворною иконою Божіей Матери, возвращенъ въ вѣдомство православнаго исповѣданія.

Почаевская Божія Матерь со времени перехода Почаевского монастыря въ руки православныхъ у поляковъ не титулуется королевой. Икона Почаевской Божіей Матери и икона Ченстоховской коронованы одинаково; та и другая признаны чудотворными во всемъ римско-католическомъ мірѣ; до перехода Почаевской обители въ вѣдомство православнаго исповѣданія польское духовенство само посѣщало Почаевскую обитель и съ своей стороны благословляло отправляющихся на поклоненіе Почаевской святыни. Но съ тѣхъ поръ, какъ святыня находится въ рукахъ православныхъ, никто изъ римско-католическаго духовенства Почаевской обители не посѣщаетъ. Этого мало: съ церковныхъ каедръ сосѣдней Галиціи, съ которыхъ въ свое время провозглашалось воззваніе Львовскаго римско-католическаго архіепископа Вацлава Страковского о томъ, что снисательно присутствовать при коронованіи Почаевской иконы Божіей Матери и вообще посѣщать эту святыню, — теперь католическимъ духовенствомъ предаются анаемъ посѣщающіе эту святыню. Если австрійское правительство по политическимъ видамъ строго воспрещаетъ своимъ подданнымъ посѣщеніе Почаевской обители, карая за это посѣщеніе даже тюрьмой, то это болѣе или менѣе понятно, но провозглашеніе съ церковной каедры римско-католическимъ духовенствомъ анаемы поклонникамъ Почаевской святыни, коронованной папскими легатами и признанной чудотворной папами и всемъ католическимъ міромъ, по меньшей мѣрѣ странно.

Но такъ смотритъ на святыню православно-русская церковь. Несмотря на то, что Ченстоховская икона Божіей Матери находится въ рукахъ католиковъ, православная церковь ежегодно прославляетъ эту икону 6 марта; съ благоговѣніемъ покланяются ей Русскіе Цари, православные архіереи и іереи, а православный народъ, съ благословенія своихъ пастырей, во множествѣ отправляется въ Ченстоховъ для поклоненія этой святыни. Посѣщалъ Ченстоховъ и поклонялся этой святыни Императоръ Петръ Великій. Императоръ Александръ I списокъ Ченстоховской Божіей Матери украсилъ на свои средства богатой ризой съ драгоценными камнями и передалъ на помѣщеніе въ Петербургскій Казанскій соборъ, гдѣ и до сихъ поръ горитъ передъ нею неугасимая лампада. Императоръ Николай Павловичъ ассигновалъ особую сумму для украшенія Ченстоховскаго монастыря, гдѣ находится чудотворная икона. Въ этомъ монастырѣ для поклоненія той же святыни былъ варшавскій архіепископъ Арсеній, впоследствии кievскій митрополитъ; посѣщали эту святыню и преемники его: архіепископъ Іоанникій и нынѣшній архіепископъ Леонтій.

Чтобы дать понятіе, какъ относится наша православная церковь къ Ченстоховской святыни, находящейся въ рукахъ католиковъ, мы приводимъ здѣсь нѣсколько строкъ изъ

*) Преславная гора Почаевская, стр. 99.

описанія поклоненія этой святыни варшавскаго архіепископа Іоанникія. „Въ костелѣ было какъ нельзя болѣе тихо. Лишь нѣсколько богомольцевъ творили моленія по угламъ. Св. икона Богородицы была открыта, и предъ нею горѣли свѣчи и лампада. Время было послѣ полудня; храмъ, обращенный на востокъ и внутри мрачный, застроенный зданіями, при склывающемся на западъ осеннемъ солнцѣ, былъ особенно сумраченъ въ эту пору. Подойдя къ самому алтарю, архипастырь сталъ на колѣна и долго, долго молился, кладя земные поклоны. Въ храмѣ царилъ подлая, совершенная тишина, и слышны были лишь тихіе вздохи молящагося православнаго святителя. Представители монастырской братіи оо. Паулины всѣ въ бѣломъ одѣяніи стояли тутъ же съ той и другой стороны архипастыря, прочіе же всѣ (тутъ были и всѣ состоявшіе налицо въ то время въ городѣ гражданскія и военныя власти) стояли сзади. Минуты были глубоко-знаменательны, торжественны, священны... Это было 14-го октября 1872 года. 16-го тогоже октября тотъ же архипастырь снова посѣтилъ Ясногорскую Ченстоховскую обитель. Игуменъ монастыря поднесъ преосвященному на память св. икону Ченстоховской Божіей Матери. Владыка и отъ себя пріобрѣлъ покупкою нѣсколько иконъ чтимаго св. образа Богородицы на киарисныхъ доскахъ. Тогда же въ этой католической обители православный святитель выстоялъ „мшу“ (литургію) изъ благоговѣйнаго вниманія къ совершавшемуся св. таинству“ (Душенол. чтеніе 1878 г. № 7: 317, 320, 329).

Намъ передавали, что почти въ каждомъ варшавскомъ костелѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ была Почаевская икона Божіей Матери, но теперь въ польскомъ костелѣ въ этой иконы не увидите. Икону же Ченстоховской Божіей Матери вы въ Варшавѣ увидите не только въ каждомъ костелѣ, но и въ каждой православной церкви; въ православномъ кафедральномъ соборѣ она занимаетъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Благодаря примѣру нашихъ царей и архипастырей, русскій православный народъ идетъ въ въ Ченстоховъ изъ разныхъ православныхъ мѣстностей; на поклоненіи въ Ченстоховъ бывають одновременно Велико-русы, Малорусы, Бѣлорусы и Поляки.

Можетъ быть Господу и угодно, чтобы на границѣ Пруссіи, преслѣдующей теперь славянскій элементъ, существовала святыня, у которой скрѣплялся бы братскій союзъ между разнообразными славянскими племенами, и чтобы у самыхъ границъ Пруссіи громко звучала хотя бы въ нѣкоторые дни мощная славянская рѣчь, — рѣчь Велико-русовъ, Малорусовъ, Бѣлорусовъ и Поляковъ. Какъ прекрасно было бы, еслибы и римско-католическіе славянскіе пастыри церкви, вспомянувъ слово царя Давида: *братъ отъ брата помогаемъ яко градъ твердъ*, не только не возбраняли съ церковныхъ каедръ посѣщеніе Почаевской святыни, но и провозглашали бы святость этого посѣщенія. Пусть бы и на границѣ Австріи, въ Почаевѣ, собирались во-едино для молитвы Велико-русы, Бѣлорусы, Малорусы и Поляки. Пусть бы и икона Почаевской Божіей Матери скрѣпляла ихъ братскій союзъ!... (Варш. Дн.)

— По поводу похоронъ Мицкевича въ Краковѣ. Кости Адама Мицкевича (скончавшагося въ Константинополѣ 14 (26) ноября 1855 г. и похороненаго въ Монморанси подъ Парижемъ 9 (21) января 1856 г.), перевезены въ Краковъ 22-го прошлаго іюня (4 іюля) и погребены тамъ

въ усыпальницѣ бывшихъ польскихъ королей въ старинномъ соборѣ на Вавель. Скорбную свою тризну и вмѣстѣ радостный, давно подготовлявшійся и жданный праздникъ, на который были обращены сочувственные взоры и всего Славянства, Поляки справили, надобно отдать имъ справедливость, весьма торжественно, со всею внѣшнею пышностью, какая только могла быть для нихъ доступна, и съ подобающимъ многочисломъ, но большей или меньшей палочности представителей не только всѣхъ званій, но и мѣст жительства, почти всенародно. Въ Краковъ ихъ съѣхалось къ этому дню, какъ пишутъ, до 30,000, не только изъ Галиціи, но также изъ нашего Привислянского края *), изъ Познани, изъ Сѣверо-Западнаго края, даже Малороссіи и Новороссіи. Съѣздъ Славянъ австрійское правительство, разумѣется, запретило. Приѣхало однако съ вѣнками нѣсколько Чеховъ; вѣнки были присланы также изъ нѣкоторыхъ городовъ Моравіи, Хорватіи, Истріи, Сербіи. Старый Краковъ приварядился по праздничному. Улицы, по которымъ проходилъ похоронный кортежъ, были полны народомъ, окна, балконы плотно заняты зрителями, а изъ нихъ дамы при проходѣ осыпали гробъ цвѣтами. Въ шествіи участвовали представители учреждений и сословій, областной комитетъ, намѣстникъ, депутаты сейма и парламента, президентъ краковской Академіи наукъ, ректоры краковского и львовскаго университетовъ, львовскій и краковскій городскіе головы, депутации отъ уѣздныхъ совѣтовъ, въ большинствѣ крестьяне. На всемъ пути отъ станицы желѣзной дороги до собора гробъ несли, чередуясь, учащаяся молодежь. Во главѣ весьма многочисленнаго собранія духовенства (какъ увѣряютъ газетныя описанія, 459 ксендзовъ), шли поочередно оба львовскіе католическіе архіепископа (изъ униатскихъ архіереевъ никто не приѣхалъ, или не былъ приглашенъ), навнѣху въ соборѣ совершалъ новопожалованный кардиналъ Дунаевскій. Кисти покрывала держали съ одной стороны представители польской аристократіи (князь Евстаѣй Сапгушко, Павелъ Попель, князь Адамъ Сашѣга, князь Юрій Чарторыйскій, обласной маршалъ графъ Янъ Тарновскій), съ другой — науки, литературы, искусства, политики (между прочими: Генрихъ Сынкевичъ, Янъ Матейко, Юліанъ Вячкю, Юлій Коссакъ, президентъ клуба польскихъ депутатовъ въ Берлинѣ Чарлинскій, президентъ такого же клуба въ Вѣнѣ Аполлинарій Яворскій). Вѣнковъ несли 477, — золоченыхъ 3, серебряныхъ 24, цвѣточныхъ (въ большинствѣ скромно — изъ полевыхъ цвѣтовъ) 444, другихъ металлическихъ 5. Въ числѣ вѣнковъ было два или три еврейскихъ (отъ евреевъ „изъ-за кордона“ съ характеристическою надписью: „Народному поэту А. Мицкевичу. И еврей показалъ, что онъ любитъ Польшу“), столько же литовскихъ, а всѣ остальные славянскіе — польскіе, русскіе (два-три галицко и малорусскихъ), — въ не-большомъ числѣ чешскіе, сербскіе, хорватскіе и проч. Въ чествованіе памяти Мицкевича чужеземники прямого участія нигдѣ не принимали, исключая однихъ только Французовъ, отъ имени которыхъ при экзгумации его останковъ въ Монморанси произнесли похвальныя рѣчи: знаменитый академикъ Эрнестъ Ренанъ и представитель литературно-художественнаго общества Жюль Лерминн, такъ что это чествованіе по племенному составу участниковъ должно быть

названо почти исключительно славянскимъ. Во внѣшнемъ описаніи краковскаго торжества слѣдовало бы еще быть можетъ отмѣтить по перечню вѣнковъ двѣ-три надписи на вѣнкахъ отъ молодежи, неподходившія къ общему, сколько можемъ судить со стороны, весьма приличному, спокойному и даже возвышенному его тону, надписи слишкомъ тенденціозныя и такъ-сказать пессимистически-крикливыя, и одну крайне неумѣстную эмблему, столь же легкомысленно, какъ и дерзко напоминающую былыя печальныя событія. Но эту выходку какого-нибудь можетъ быть десятка молодыхъ, незрѣлыхъ или крайне взбалмошныхъ головъ можно, кажется, принять за случайность, происшедшую лишь отъ недосмотра, а не по умыслу распорядителей, ибо она, повторяемъ, на нашъ взглядъ, слишкомъ не гармонировала съ серьезнымъ настроеніемъ и мирнымъ ходомъ праздника по внѣшности.

Внутренняя сторона Мицкевичевской манифестаціи 22 іюня: тенденціи и виды ея руксводительныхъ участниковъ, ея объявленныя и подразумеваемыя задачи, замыселъ и смыслъ, — все это довольно вразумительно раскрывается передъ нами въ рѣчахъ и статьяхъ, сказанныхъ и написанныхъ ad hoc. Перебирая весь этотъ обильный и сложный матеріалъ, русскій человекъ, а полагаемъ также и славянинъ, во многомъ и многомъ никакъ не согласится съ польскими ораторами и публицистами. Въ ихъ сужденіяхъ и мысляхъ не трудно замѣтить опрометчивость и ошибки, въ мечтахъ — самонадѣянность, непрактичность, сознательное закрываніе глазъ на факты, на дѣйствительность, въ словахъ противорѣчіе, въ поведеніи непоследовательность. Но все-таки на этотъ разъ онъ больше обыкновеннаго останется доволенъ, какъ Русскій и Славянинъ, ибо въ изліяніяхъ этихъ, при всѣхъ подобныхъ недостаткахъ ихъ, есть все-таки умѣренность или сдержка, которой зачастую въ напрасно ищите у польскихъ ораторовъ и публицистовъ въ подобнаго рода похвальныхъ отзывахъ объ ихъ историческихъ заслуженныхъ людяхъ, а потому и вообще слабѣе пробивается наружу тотъ національный польскій шовинизмъ, который составляетъ непремѣнный ингредиентъ такихъ рѣчей и не можетъ, кажется, жить въ польской душѣ безъ вражды и несправедливости прямо-таки ко всему, что русское. Откуда эта сдержка? Отъ самаго ли духа праздника, или отъ случайныхъ воздѣйствій и обстоятельствъ? — отъ Мицкевича, или только отъ графовъ Кальноки и Таафе? Допускаться не будемъ. Даже въ послѣднемъ случаѣ, довольно того, что она есть. Мы не избалованы на этотъ счетъ и знаемъ, что могло бы быть и иначе, какъ это показываетъ хотя бы скандальный приемъ для несенія въ процессіи помянутаго вѣнка съ эмблемой...

Рѣчей было четыре: маршала графа Яна Тарновскаго, г. Асыка, профессора графа Станислава Тарновскаго и извѣстнаго патера-іезуита Хотковскаго, — послѣдній, впрочемъ, не поддается вѣрной оцѣнкѣ, какъ напечатанная не текстомъ, а только въ вольной передачѣ in extenso. Рѣчь графа Яна Тарновскаго, написанная безъ сомнѣнія братомъ его Станиславомъ, извѣстнымъ публицистомъ и литературнымъ критикомъ, отличается хорошимъ слогомъ, но, вопреки ожиданію, не блеститъ тѣмъ увѣреннымъ австрофильствомъ, или такъ-сказать „австровѣріемъ“, которымъ щеголяетъ его, т. е. такъ-называемая „станьчиковская“, партія, заправляющая нынѣ дѣлами въ Галиціи. Правда, онъ называетъ „яснымъ лучемъ утѣшенія“ мысль, что „благодаря великодушному монарху мы можемъ, — говоритъ онъ — по крайней мѣрѣ здѣсь, на этой части польской земли, которая ему

*) Много ли было нашихъ поляковъ — неизвѣстно, но о важности ихъ въ собраніи дастъ понятіе свидѣтельство Dziennik'a Poznański'ego, что они въ немъ „первенствовали“ („rej wodzą Kongresowiacy“).

подобаетъ отъ всего народа"; но рѣчь его силою проникнута скорбнымъ чувствомъ о томъ, что у польскаго народа нѣтъ впереди обезпеченной будущности („ta nasza przyszłość jest całym naszym skarbem, poza którym nie mamy innej spuścizny“); оттого-де, когда полякамъ приходится праздновать память минувшихъ дней, „въ согласномъ аккордѣ ихъ чувствъ есть всѣ струны *кромѣ струны веселья*“. Онъ говоритъ объ обязанности людей, любящихъ свой народъ, „вѣрно хранить память его прошлаго“, но нигдѣ ни единымъ словомъ не намекаетъ на то, чтобы для поляковъ помимо этой вѣрности прошлому и ихъ самихъ могла быть въ комъ и въ чемъ-либо сколько-нибудь надежная порука будущаго. Словомъ, представляя ихъ нынѣшнюю судьбу крайне мрачно, онъ нигдѣ не видитъ и не показываетъ для нея просвѣта. Даже удивительно, какъ могъ сказать такую рѣчь высшій выборный представитель края, и фактъ по неволѣ приходится объяснить тѣмъ, что тутъ сыграла съ нимъ злую шутку помощь брата-профессора, котораго въ свою очередь, тоже невзначай, заставило повѣдать правду, несмотря на его извѣстное станбичковство и австровѣрие, литературское увлеченіе мыслью, драматическую на дѣлѣ души, но пробужденною Мицкевичевскимъ празднествомъ.

Въ своей рѣчи профессоръ Тарновскій предается вполне тому же скорбному, элегическому настроенію. Напоминаетъ, объясняя и славя заслуги Мицкевича, по мѣстамъ съ неподдѣльнымъ воодушевленіемъ и краснорѣчіемъ, хотя не безъ увлеченій и преувеличеній, иногда крайнихъ, онъ ни съ кѣмъ уже не дѣлитъ польской ему благодарности. Отмѣтимъ для примѣра кое-что изъ того, что мы назвали здѣсь преувеличеніями и увлеченіями. Во-первыхъ, заслуги Мицкевича передъ Славянами. Г. Тарновскій позволилъ себѣ выразиться, что „лучше, благороднѣе“ Мицкевича „за нихъ и объ нихъ доселѣ никто въ мірѣ не говорилъ“, что онъ „желалъ имъ, какъ никто (!), истиннаго величія, самосознанія и дѣятельности въ христіанскомъ, въ праведномъ, въ возвышенномъ братствѣ и жизни“. На дѣлѣ всѣ эти благородныя разговоры и возвышенныя желанія привели у Мицкевича къ тому концу, что онъ повѣрилъ въ теорію возрожденія южныхъ Славянъ подъ владычествомъ Турціи и католицизма, участвовалъ вмѣстѣ съ другими польскими мечтателями (Садыхъ-паша-Чайковский, Замойскій) въ безумной затѣвѣ сформировать на ея защиту противъ Россіи, при содѣйствіи Пальмерстона и Наполеона III, „полки оттоманскихъ казачковъ“ изъ нашихъ некрасовцевъ, дезертировъ и разнаго польскаго и славянскаго сброда и умеръ въ Константинополь, разочарованный и истомленный правительствомъ. Странно опять, и даже болѣе чѣмъ странно — смѣшно, читать въ рѣчи краковскаго профессора наивное обращеніе къ Мицкевичу, какъ къ поляку и литвину. „Пусть приметъ тебя, литвина, здѣсь“ (т. е. въ польской королевской уснальной палатѣ въ Краковѣ), восклицаетъ онъ, „первый Литвинъ Ягелло и его Ядвига, тебя, который являешься знаменіемъ, доказательствомъ, подтвержденіемъ и утвержденіемъ святаго суиужества (sic) Литвы съ Короной (Польшею)“. Далѣе плеоназмъ — еще болѣе трогательный или — дерзкій: „Пять вѣковъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, на голову Литвина пролилась вода крещенія, а на

рукѣ его засіяло золотое обручальное кольцо. Спустя эти вѣка, изъ той крещеной и обрученной земли, приходитъ на это мѣсто и дожитъ при гробахъ тѣхъ онъ, бывшій свидѣтельствомъ и доказательствомъ, что оба эти обѣта, крестный и брачный, сохранены свято и остаются въ своей силѣ. Этихъ печатей таинства не стереть... и. т. д. Satis eloquentiae — sapientiae parum. — Говоря по русски, короче: словъ много — да ума мало!... Умнѣе, лучше, да и достойнѣе было бы со стороны гг. польскихъ ораторовъ не касаться вовсе этого вопроса. Трудно понять это ихъ поведеніе простымъ умомъ: не имѣя ничего, какъ сами сознаются, они все-таки думаютъ не о вѣрности, хотя бы и скромной развѣвъ, а о вторичномъ обладаніи когда-то огромными, но незаконными и безвозвратно утраченными богатствами; выходя какъ будто на путь, они не смотрятъ подъ себя и впередъ, чтобы не оступиться и не сойтись, а озираются назадъ — на „свой Содомъ“. Да и какъ повторять нынѣ въ серьезъ такіе анахронизмы, какъ эта ссыла на Мицкевича-Литвина? Вѣдь то, что г. Тарновскій называетъ „Литвой“ было и есть признанная нынѣ всѣми, исключая краковскихъ молптыковъ, Русь, — относительно Мицкевича даже краковскіе станбички согласны, что по роду племени онъ былъ русский. Если самъ онъ не зналъ ни того ни другаго, и добросовѣстно называлъ себя литвиномъ-полякомъ или проповѣдывалъ политическій „бракъ Литвы съ Короной“, то кто поручится все-таки г. Тарновскому въ томъ, что нынѣ тотъ же Мицкевичъ, вѣдавъ пзъ гроба на Вавелѣ, запретилъ бы быть русскими своимъ родичамъ по крови? Не основательно ли думать напротивъ, что узлавъ эту тайну и всѣ исторически прелести „союза Литвы съ Короной“, онъ можетъ быть и на Вавелѣ не позволилъ бы краснорѣчию сусловить о какомъ-то обѣтѣ этого союза, пребывающемъ будто въ таинственной, священной силѣ? Для человека такого ума и сердца какъ Мицкевичъ, начало народнаго самоопредѣленія какъ въ личной, такъ и государственной жизни не могло не быть сочувственнѣе историческаго припущенія и насилия, которыя въ примѣненіи къ „Литвинамъ“ и „Русинамъ“ такъ правятся польской плхтѣ. Великій „Русинъ“, но недоразумѣнію и насилію ставшій полякомъ, сознательно не подалъ бы руки этимъ тенденціямъ... Изъ сказаннаго достаточно, полагаемъ, явствуетъ, о чемъ думали и хлопотали краковскіе „патриоты“ на Мицкевичевскомъ праздникѣ.

Коротко говоря, мы, „Москаль“, можемъ быть, кажется, довольны минувшимъ польскимъ торжествомъ въ Краковѣ. Тутъ, какъ видимъ, польскіе наши братья, одни, тѣ самые, которые болѣе всѣхъ насъ не любятъ, почти совсѣмъ воздержались бранить насъ, другіе бранили противъ того, какъ это у нихъ изстари и заурядъ ведется, гораздо все-таки помягче, стороной, а не прямо отъ себя, въ упоръ, третьи, наконецъ, даже и похваливали. А важнѣе всего для нихъ и пріятнѣе намъ то, что о себѣ самихъ, о своемъ настоящемъ и будущемъ положеніи они думали и говорили на этотъ разъ вообще трезвѣе, чѣмъ обыкновенно.

(Варш. Дн.)

Редакторъ, Протоіерей Іоаннъ Котовичъ

Вильна, Губернская Типографія;
Ивановская у. М. д.
(„rej wordz Kowczowski“)

Дозволено цензурою

Цензоръ Каеедральный Протоіерей *Петръ Дешчійскій*